

правдивым и жизненным творчеством Веласкеса.

Даби часто импрессионистичен, противоречив. В книге есть ряд спорных мыслей (о сюжете в живописи и др.). Но оба этюда, на-

санные так темпераментно и лирично, увлекают читателя, как художественное произведение.

Е. Г.

АНДРЭ ФИЛИПП — «СТАЛЬ». Издательство «Эдисон Сосиаль Интернациональ», 249 стр. (André Philippe, L'Acier. Editions Sociales Internationales. Paris, 1937. pp. 249)

Большинство французских премий 1937 года свидетельствовало лишь о дурном вкусе и реакционных убеждениях жюри. Премия Гонкуров, например, была присуждена политическому ренегату, ловкому дельцу — адвокату Шарлю Плинье за бульварный роман «Фальшивые паспорта». Мало отраден и выбор других «лауреатов».

На этом фоне особенно надо выделить присуждение премии «Цемент» французскому рабочему Андре Филиппу за его роман «Сталь» (премия «Цемент» ежегодно присуждается издательством «Эдисон Сосиаль Интернациональ» за лучший пролетарский роман на французском языке). Андро Филипп — рабочий-металлист. Сейчас Филиппу 30 лет, он работает на одном из автомобильных заводов. 15 лет он проработал на сталелитейном заводе Фирмини, который и отображен в его книге. Она хорошо передает напряженный темп работы на большом сталелитейном заводе. Все производственные процессы описаны с большой точностью. Значительное место занимает в книге самый технологический процесс. Филипп хочет ознакомить читателя со всеми его «тайнствами». Сталь — вот главный герой книги. Огромные паровые молоты, горны предстают в ней, как живые существа, которые не хотят покориться человеку, готовят ему всяческие подвохи.

«Горны, нагруженные углем накануне и зажженные до прихода новой смены, были заполнены отливками, железными брусками с закругленными углами. Больше пятидесяти стальных машин чудовищной мощности ревели зараз, кромсая, расплющивая, разрезая металл. Молоты паровые и пневматические, молоты простые или двойного действия, молоты английские, автоматические, молоты, приводимые в движение механически, молоты гидравлические присоединяли свои голоса к голосам молотов, колотивших по громаде наковален, к чавканью челюстей ковочных машин».

Среди этих колоссов человек чувствует себя на капиталистическом заводе маленьким и приниженным. Он чувствует себя не хозяином, а рабом, бессильным справиться с вызванными им злыми духами.

Завод, описываемый Филиппом, — это крупный сталелитейный завод компании Фирмини близ Сент-Этьена (ей принадлежат также и угольные копи, где частично разворачивается действие книги). На этом крупном капиталистическом предприятии рабочий действительно существо униженное и бесправное. Каждый день происходят несчастные случаи, которых можно было бы избежать при рациональной организации труда. Госпиталь завода заполняют раненые и увечные, пострадавшие во время работы. Филипп показывает нам этот госпиталь в том виде, в каком он воспринимается сознанием 13-летнего Марселя Рош, который пришел наниматься на завод (он увеличил свой возраст, пользуясь документами старшего брата, сломавшего себе ногу во время работы на коях этой же компании).

«Марсель во все глаза глядел на раненых... Раздробленная, кровоточащая, бесформенная рука показалась из марлевой повязки... Марсель задрожал. Он увидел еще ожоги, глубокие ссадины, зашитые или взятые цапками швы, флегмоны, мучительные ногтееды, тяжелые переломы рук, ноги с отрезанными пальцами...»

Рабочий для администрации лишь номер. Даже имя его часто неизвестно. С глубоким волнением читаешь один из наиболее ярких эпизодов книги — сцену гибели итальянца-рабочего № 11.

«Брызнули искры. Фартук вспыхнул, и прежде чем тигель был опорожнен, подносчика охватило пламя. Он бросил, наконец, щипцы, кинулся к баку, но слишком поздно. Он упал, он покотился по земле, крича как раненый зверь — его товарищи пытались тряпками потушить огонь... Раненый еще извивался на земле, но его задыхающийся голос

и предсмертное хрипение были уже едва слышны. Кожа его местами отстала, повсюду вздулись огромные, красные пузыри, наполненные жидкостью.

Решили позвать врача. Санитар спросил:
— Как звать парня?

— Не знаем — отвечали рабочие. — Это итальянец. Здесь он № 11.

Итальянца осторожно положили на носилки. Лицо его было ужасно. Глаза, губы покраснели, съеденные заживо пламенем. Он делал страшные гримасы. Потом его рот искривился в последний раз, и на нем застыла печать страдания. Рабочий № 11 скончался.

Пестр и многонационален состав рабочих завода. Тут французы, итальянцы, испанцы, марокканцы. Но труд их спаял, их роднит между собой чувство пролетарской солидарности. В пользу жены и детей сгоревшего заживо рабочего товарищи устроили сбор. «Стихийное движение солидарности воодушевило рабочих. Все, какой бы национальности они ни были, вносили, кто сколько мог...»

В этой первой книге Андре Филиппа еще нет стройного сюжетного повествования. Это ряд эпизодов, рисующих жизнь и быт завода, безработицу, сцены найма безработных, работу на шахте и отдых рабочих. Любовно рисует автор жизнь рабочих семей Бессе и Рош. Ряд газетных выдержек о сталелитейной

промышленности и положении стального рынка во Франции вклинивается в бытовые эпизоды книги, и надо сказать, что это смешение стилей не всегда оправдано. Нельзя не указать также и на то, что сталь, расплавленная, огнедышащая, обжигающая, несколько отодвинула на второй план живых людей.

Надо надеяться, что Андре Филипп не даст вскружить себе голову неумеренными похвалами некоторых критиков, сравнивающих «Сталь» чуть ли не с «Жерминалем» Золя. Филипп знает быт рисуемой им среды, он любит ее и литературное дарование его несомненно. В декабрьской книжке «Коммю» (за 1937 год) опубликован отрывок из еще неизданной второй книги Филиппа «La Souffrance», где описано посещение семьи Бессе (она, видимо, играет центральную роль и в этой книге) Полем Вайян-Кутюрье, когда тот скрывался от полиции. Отрывок ярко рисует горячую любовь рядовой пролетарской семьи к коммунистической партии и читается с большим интересом.

Андре Филиппу предстоит еще долго и упорно овладевать литературным мастерством. Но уже теперь нужно радоваться приходу во французскую литературу рабочего-металлиста, одаренного человека труда, неразрывно связанного с народом и вышедшего из его рядов.

Вл. Рубин

ЛУЧШИЕ РАССКАЗЫ ИЗ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛОВ. (Edward O'Brien, The best short stories. 1937, Boston and New York, Houghton Mifflin Company, pp. 394)

Очередной том о'брайеновских «лучших рассказов» был в некотором роде боевым. В предисловии О'Брайен как бы обращается к редакторам американских журналов с призывом такого рода: «Нет, в самом деле, почему вы думаете, что публика совсем не восприимчива к хорошим рассказам?» Он приводит пример американского редактора 900-х годов Артура Ваиса, который имел мужество печатать хорошие рассказы, и однако же не прогорел на этом деле. О'Брайен считает, что нынешние американские редакторы питают чрезмерное пристрастие к плохим рассказам, потому что они будто бы очень нравятся «читающей публике». Он думает, что в Англии дело обстоит лучше: среди «лучших рассказов» последнего тома английских вдвое больше, чем американских, английские получили

наибольшее количество «высших отличий» — «трех звездочек» по своеобразной трехбалльной системе О'Брайена, они занимают особо почетное место и в «Свитке почета», который обнародован здесь же, на последних страницах ежегодника.

О'Брайен выдвигает на первое место три новеллы последнего года, которые, по его мнению, останутся в литературе. Стоит приглядеться к этим новеллам. Первая из них — «Приказ о выступлении» Морриса. Зафилопулос — один из самых знаменитых портных Парижа. Он толст, богат и пресыщен. Сбылись самые честолюбивые мечты безграмотного салонического грека, и теперь ему уже нечего ждать от жизни. Моррис уверяет нас даже, что спокойное ожидание смерти и полнейшее равнодушие к событиям этой жиз-